

А. Ю. Сорокин,

**«И. Л. Солоневич и И. А. Ильин
о правящем слое послебольшевицкой России»**

*"Результаты каждого
правительственного мероприятия
зависят не только от идеи,
вложенной в это мероприятие,
сколько от того исполнительного
аппарата, который будет это
мероприятие проводить в жизнь на
местах.*

*Исполнительный аппарат будущей
России явится слабым местом всего
нашего государственного
строительства".*

И.Л. Солоневич

В своей фундаментальной работе "Народная монархия" И.Л. Солоневич предупреждал: **"перед будущей Россией с очень большой степенью отчетливости, вырисовывается опасность бюрократии.** Реальность этой опасности заключается в том, что **сегодняшний правящий слой страны, есть по существу почти сплошная бюрократия"**. Именно бюрократия будет слоем, который проявит максимальную политическую активность. Этот слой будет голосовать за ту партию, которая гарантирует возможно большее количество «мест», «служб», «постов» и власти.

"Бюрократ, - писал Солоневич, - будет голосовать против всякой партии, опирающейся на частную и местную инициативу. И эта бюрократия в интересах своей стабилизации выдвинет очередного диктатора". Если "лидер" не захочет быть лидером бюрократическим, т.е. диктатором, эта же бюрократия его и "задвинет".

Это сказано в 1952 году, за сорок лет до разыгранной коммунистами пьесы под названием "падение тоталитаризма в России". С тех пор мало, что, если брать **суть вопроса**, изменилось.

По Солоневичу **"республиканская форма правления совершенно автоматически приводит к диктатуре бюрократии"**. Смена республиканской бюрократией коммунистической демагогии на либеральное словоблудие означает не свержение большевизма, но, наоборот, его сохранение ещё на некоторое неопределенное время.

Диагноз Солоневича был до гениальности точен: "Нынешний российский политический строй — это абсолютизм, который хочет быть просвещенным. Хозяйственный строй — это крепостничество, которое хочет быть культурным. Никто здесь, кажется, даже и не подозревает, что он имеет счастье жить при практически социалистическом строе, лишенным только одного: своей "идеологической надстройки". Ведь социализм, по большому счету это не фразеология, а "расширение профессиональных функций бюрократии на всю... жизнь страны".

Бюрократия создает техническое орудие духовного террора, главным принципом которого становятся запрет сочувствия какому бы то ни было иному, кроме декретированного, общественному строю и поддерживаемое террором принуждение этому строю сочувствовать, его укреплять и его всячески восхвалять.

В своей знаменитой книге "Россия в концлагере" И.Л. Солоневич приводит такой пример.

В 1918 году в германском Киеве ему как-то пришлось этак “по душам” разговаривать с Мануильским, впоследствии генеральным секретарем коминтерна, а также представителем красной Москвы в весьма неопределенного цвета Киеве. Солоневич доказывал Мануильскому, что большевизм обречен, ибо сочувствие масс не на его стороне.

- Послушайте, дорогой мой, - усмехнулся тот весьма презрительно, да на какого же нам черта сочувствие масс? Нам нужен аппарат власти. И он у нас будет. А сочувствие масс? В конечном счете, наплевать нам на сочувствие масс.

И Иван Лукьянович спрашивает: "Из кого же можно сколотить аппарат власти при условии отсутствия сочувствия масс?". Ответ заключается в том, что аппарат можно сколотить из сволочи. Этот слой, сколоченный из сволочи, оказался непреодолимым, ибо для сволочи нет ни сомнения, ни мысли, ни сожаления, ни сострадания: твердой души прохвосты.

Слой неудачников, который стал классом паразитов, не может держаться иначе, как террором. Начиная террор, он отрезывает себе все пути отступления. И, вырабатывая методы подавления всякой конкуренции, организуя бюрократическую полицейскую машину, он неизбежно оформляется в диктатуру, т.е. в произвол бюрократии. Там, где имеется произвол, он по необходимости охватывает всю страну. Если из власти произвола вы исключите хотя бы одного человека, он станет точкой концентрации всех оппозиционных произволу сил страны. Террор должен быть тотальным, охватывающим всё.

Республиканский правящий слой подбирается из неудачников. И.Л. Солоневич характеризует его, как "тип человека с мозгами барана, челюстями волка и моральным чувством протоплазмы. Это тип человека, ищущего решения плюгавых своих проблем в распороте животе ближнего своего. Но так как никаких решений в этих животах не обнаруживается, то проблемы остаются нерешенными, а животы вспарываются дальше. Это тип человека, участвующего шестнадцатым в очереди в коллективном изнасиловании... И чем больше будет проявлено твердости души и непреклонности характера перед всяким человеческим горем, перед всяким человеческим страданием, перед всякой человеческой жизнью, тем шире и тучнее пути дальнейшего поприща. Иван Лукьянович называет такого нравственного урода не совсем парламентским словом "сволочь". И подчеркивает, что русский бюрократ есть "**совсем** сволочь,.. т.к. пошел" в бюрократы "на основах более или менее полной свободы воли". Сегодня больше, чем вчера.

Отобранное по признаку моральной и интеллектуальной тупости, прошедшее многолетнюю школу грабежа и угнетения, спаянное беспредельной преданностью власти и беспредельной ненавистью населения, среднее и низовое чиновничество, - пишет Солоневич, - образует собою чрезвычайно мощную прослойку нынешней России. Его качествами, врожденными и благоприобретенными, определяются безграничные возможности разрушительных мероприятий власти и ее роковое бессилие в мероприятиях созидательных. Там, где нужно раскулачить, ограбить и зарезать, "актив" действует с опустошительной стремительностью. Там, где нужно что-то построить, "актив" в кратчайший срок создает совершенно безвылазную неразбериху.

Современная российская бюрократия, её, если можно так выразиться, идеология сложилась в период системной общероссийской катастрофы. В катастрофические же периоды личной и общественной жизни действуют не призывы к рассудку, действует вопль: то ли "ура", то ли "караул". Действует психология паники. Из всей сложности психических и всяких иных стимулов, свойственных человеческому существу, остаются почти исключительно хватательные инстинкты по принципу – "хватать, что можно". Удержание схваченного осуществляется посредством террора: административного, экономического, информационного, физического, политического и какого ещё угодно. Организуя перманентный террор, все эти люди и сами живут в атмосфере неизбывного

страха. Как пишет И.Л. Солоневич: "С ножом в руке и с ужасом в сердце - так и живут эти победители сегодняшнего дня. Ибо, создавая рабство, приходится подчиниться рабству и самим". Любой "новый" человек, входя в десятилетиями сколоченный аппарат, либо принимает "правила игры", либо исторгается из среды бюрократии. Его личные качества не играют никакой роли. Чиновник, который отказывается брать взятки — нарушает некую неписаную конституцию, колеблет самые устои материального существования бюрократии в целом. Нынешняя... хозяйственная система может быть определена такой формулировкой: разбой сверху и воровство снизу. Разбоем кормится бюрократия, и воровством кормятся все остальные.

Причем, Солоневич предупреждает о принципиальной неспособности эволюции республиканского правящего в слой служилый.

Для эволюции, - пишет он, - нужны компетентность и добросовестность. Но никакой бюрократический аппарат не может быть построен на доверии к компетентности и добросовестности его сочленов. Аппарат должен быть построен исключительно на контроле и преданности.

Поэтому, когда Иван Лукьянович пишет об основной задаче действительно пост-коммунистической России, в не России, если можно так выразиться, пред-пост-коммунистической, таковой он называет проблему формирования служилого слоя.

Никакая нация не может жить без своего орудия реализации ее жизненных основ, выполняющего некий общенациональный «заказ»... Правящий слой есть орудие нации. Нация без правящего слоя есть нация безоружная.

Если первой задачей разумной политической программы возрождения России является установление **исходных начал** национального бытия, то вторая задача — это **формирование** правящего слоя, по мере возможности идейно отвечающего этим исходным началам и технически способного провести их в жизнь.

Следует отметить, что И.Л. Солоневич, будучи безусловно монархистом, под "правящим" слоем новой России понимал, конечно, не новую диктаторскую бюрократию, а слой управленческий, служилый. В опубликованной в "Нашей Газете" в 1938 году статье "Служилый слой" он так и говорит о "правящем" слое: "Если это выражение вам не нравится – возьмите более скромное... административный аппарат". Формирование нового служилого слоя, как и возрождение России вообще, Иван Лукьянович неразрывно связывал с восстановлением монархии.

Осуществление русской национальной революции, писал выдающийся русский мыслитель и публицист, **при участии монархии** приведет к самодержавию интеллигенции, **ограниченному монархией** и теми **моральными** принципами, которые она (монархия - А.С.) воплощала в себе. **Осуществление той же революции без участия монархии приведет к диктатуре интеллигенции с неизбежной борьбой за первое место в этой диктатуре.** А также с неизбежным расколом нового правящего слоя и, следовательно, с новым отсутствием национального единства. Отсутствие национального единства вызовет новый припадок национальной слабости — так сказать, государственный обморок России.

Именно с учетом этого положения строилась программа возглавлявшегося И.Л. Солоневичем Российского Народно-Имперского (штабс-капитанского) движения. Прежде всего, пишет он в Политических тезисах Движения, нам необходимо установить основные принципы и **идейно** оформить тот будущий правящий слой страны, который был бы *одинаково* предан и Царю, и Народу, который — организованный в "систему учреждений" — реализовал бы эти принципы на практике и который стал бы действительно "опорой Престола".

Должно согласно концепции Солоневича создать именно **монархический** государственный аппарат, в условиях, исключающих принцип бюрократического произвола. Аппарат, который уже не будет притягательным для одной только сволочи. В него со спокойной душой должны придти и люди порядочные, нравственно здоровые,

сочетающие профессиональную компетентность с моральной добросовестностью, люди веры и долга. Более того, они будут иметь возможность выдавливать из состава служилого слоя ещё на что-то надеющуюся, затаившуюся сволочь.

В связи с этим основная проблема восстановления устойчивой монархии заключается именно в организации этого слоя. Перед государственной властью, пишет Солоневич, неизбежно станет вопрос о сознательном и продуманном подборе правящего слоя России.

С безусловной актуальностью звучат слова Ивана Лукьяновича: нынешний отбор умственной элиты производится (в особенности в общественно-политической области) в обстановке развращающей партийной борьбы, которая в одних случаях создает атмосферу продажности, а в других случаях — атмосферу пресмыкательства.

Просто поразительно его предвидение того, что произошло с нами сегодня. В качестве одной из двух сил, могущих придти на смену большевицкой власти, он называет некую еще несуществующую партию, "которая обопрется на часть интеллигенции и пролетариата и организует аппарат вооруженного выдвиженчества. Это будет очень маловероятным и, во всяком случае, очень кратковременным **повторением коммунистической партии (нео-коммунизм – А.С.)** — вероятным только в том случае, если ликвидация большевизма произойдет путем **партийного раскола**". В таких условиях "нужно опасаться, что созданные советским бытом навыки администрирования еще долгое время будут сказываться в работе административного аппарата".

Как мы успели убедиться, опасения эти оправдались полностью. Ничего иного вчерашняя "парт- сов- хозноменклатура" придумать не может. Возрождение аппарата бюрократической диктатуры налицо. Пройдя через новый "Февраль" – август 1991 года, с октября 1993 года Россия возвращается к новому "Октябрю", так сказать, в исходное положение. Но, как пишет Солоневич, "не для того мы пережили страшные муки нашей великой и бескровной, чтобы возвращаться в исходное положение".

В связи с этим, второй возможной, а для спасения России единственной, силой Иван Лукьянович называет "штабс-капитанов". Кому-то покажется, что мысль об этом слое давно устарела - прошло больше полувека и никаких "штабс-капитанов" больше нет. Ни в России, ни в эмиграции. Однако если глубоко вдуматься, то "штабс-капитанами", по большому счету, Солоневич именуется не только участников Белой борьбы, ушедших в изгнание или оставшихся на Родине, но и наших современников, для которых "эмиграция" скорее состояние внутреннее, заключающееся в непримиримой оппозиции к большевизму. Даже и в его либерально-республиканском облики. "Штабс-капитаны" – это национально, православно и монархически мыслящие, морально и культурно готовые, профессионально готовящиеся "технически" и активно служить исторической России, а не командовать ею, русские люди.

Здесь необходимо учитывать следующие слова Солоневича:

"Так принято думать: есть две России – одна по ту сторону большевицкого рубежа, и другая по эту... Формулировка о двух Россиях – одна по ту, и другая по эту сторону рубежа – не устраивает... меня. Границы между этими двумя Россиями проходят, так сказать, не по вертикали, а по горизонтали. Это границы духовного порядка... Границы между двумя Россиями... – чисто духовные границы". "С... исходным положением кончено, – пишет Иван Лукьянович. - Вот тут-то и проходит грань между двумя Россиями". И мы можем сказать, что прошедшие десятилетия никоим образом не разрушили эти границы. Более того, в области духовного противостояния, как и раньше, "шла – и идет – концентрация сил на полюсах: концентрация **огромных сил на непримиримых полюсах**. Не может быть примирения" в сфере идеалов, находящихся вне времени и пространства. Падение нео-коммунизма неотвратимо. "Административный аппарат коммунистической партии, как таковой, будет совершенно разгромлен. Это – неизбежность. И вот именно на месте административного аппарата окажется полная и зияющая пустота".

В этих условиях "кроме как из... штабс-капитанской массы – работников административного аппарата взять негде".

В связи с этим, прежде всякого отбора встает задача подготовки этой массы ещё до очередного, последнего кризиса бюрократической диктатуры. Именно отсутствие идейно и организационно оформленной "штабс-капитанской" массы позволило коммунистам "уйти, чтобы остаться", разыграв представление, называемое у северных народов "борьбой нанайских мальчиков".

С задачей этой должно справиться русское православно-монархическое движение. "Мы, - пишет Иван Лукьянович, - нынче остались абсолютно без всяких монархических кадров, сколько-нибудь пригодных для борьбы за монархию внутри России.

Отсутствие монархической интеллигенции... есть самая слабая сторона монархического движения и самая сильная угроза будущему российской монархии. Было бы преступлением закрывать глаза на тот факт, что этот участок монархического фронта оголен вовсе. Именно на этом участке следует ждать прорыва вражеских сил...

Средний русский... монархист совершенно не готов к какой бы то ни было идейной защите.

Нынешнее положение Главы Императорского Дома я хочу оценить без всякой елейности. В очень схематичном изложении оно сводится к следующему: опереться не на кого. Ни одной действительно активной, действительно монархической организации у нас нет".

Именно монархическое движение, названное Солоневичем "штабс-капитанским", видится им как единственное "движение, стремящееся к созданию идеи и костяка будущего служилого слоя Императорской России".

Первейшая задача в том, чтобы "дать ему техническую возможность хотя бы только начать работу по оформлению своего сознания,.. чтобы это новое сознание расшевелить, поднять, оформить...". Иными словами, политическая активность монархистов должна выразиться сегодня именно в выработке идеи непримиримости к большевизму и его наследию, а также в подготовке идейных кадров.

Следующим шагом монархического движения должно будет явиться "овладение массой"... Ни одна эмиграция (т.е. "оппозиция" – А.С.) в мире не приходила к власти путем профессиональной конкуренции с существующей в стране вооруженной силой. Есть только один путь - путь идейного завоевания этой силы... То есть неоформленные стремления... нужно будет оформить и организовать, нужно будет продавить, отодвинуть или смягчить сопротивление тех групп, которые после советского эксперимента захотят проделать ещё какой-нибудь... Значит, нужны четкие лозунги, ясная идея, агитационные доводы и организационные принципы".

"Всякий слой, который в какой-то степени хочет быть правящим, должен, прежде всего, сознавать свою ответственность перед Родиной... Мы будем пытаться подготовить этих людей психологически: указывать им на необходимость нового отношения к народным массам, нового стиля управления и новых задач этого управления".
Управления, понимающего под политикой не драку за чиновную "халяву", а искусство справедливости.

И только тогда, "оформив и закрепив основы русской национальной идеи и создав некий, хотя бы и немногочисленный, **правлящий отбор**", можно "будет идти к идейному завоеванию национального отбора всей России, в котором монархическая интеллигенция должна сыграть "роль идейной закваски".

Итак, как мы видим, И.Л. Солоневич, и в этом его особая заслуга, говоря о необходимости формирования нового служилого слоя новой, на деле пост- , а значит и антикоммунистической России, значительное внимание уделил подготовительному периоду русской православно-монархической контрреволюции. И раньше, прежде всего в эмиграции, и ныне, как, например, в пресловутом анонимном "Проекте "Россия", достаточное число прожектеров разработало множество отвлеченных, умозрительных

схем построения нового государственного аппарата. Но все они дружно, и скорее всего осознанно, умалчивали и умалчивают о том, КТО будет этот аппарат строить и где гарантии, что этот новый аппарат, как победитель дракона в китайской сказке, не превратится в нового дракона, где гарантии от того, чтобы новый государственный аппарат не превратился в новую своекорыстную, замкнутую касту. Такие гарантии И.Л. Солоневич видел в сформулированных им в уже упомянутых Политических тезисах принципах подбора служилого слоя.

"Этот подбор должен быть основан не на случайных и преходящих признаках партийности и не на волчьей борьбе всех против всех, а на исконных, веками проверенных принципах православно-национальной Российской государственности". "Эти принципы, пишет И.Л. Солоневич, - мы понимаем так:

Православный принцип в государственном строительстве... означает: стремление к осуществлению Божьей правды на земле; технически возможную замену принуждения — дружественностью, страха — любовью.

Национальный принцип. Русский народ не является ни избранным народом, ни народом господ; это только народ, которому историческая судьба вручила почетную и тяжкую задачу осуществления Божьей правды на одной шестой части земной суши.

Государственный принцип... означает техническую и административную организацию страны для утверждения внутри и защиты вовне религиозных и национальных основ Империи Российской".

* * *

Замечательный русский философ, Иван Александрович Ильин, бывший в определенном смысле монархическим оппонентом Ивана Лукьяновича Солоневича, также видел одной из основных задач пост-большевицкой России задачу формирование нового служилого слоя. Частично этой проблеме посвящена его программная работа "Основы государственного устройства" и ряд других работ.

В "Очертаниях будущей России", полностью солидаризируясь с И.Л. Солоневичем, И.А. Ильин пишет: "Помышляя о грядущей России и подготавливая ее в мыслях, мы должны исходить из ее исторических, национальных, религиозных, культурных и державных основ и интересов".

При этом в "Основах" он отмечает, что "мы получим в наследство *пролетаризованную особь*, измученную, ожесточенную и деморализованную. При таком положении дел — строить государственную форму на изволении массы значит готовить *правление черни, цезаризм и бесконечные гражданские войны с финансированием их из-за границы*". "Брание, возложенное русскому народу на глаза, исторически беспримерно".

Поэтому "необходимо высказывать, доказывать и жизненно прививать воззрение, что государственная и политическая деятельность требует не ловкого проходимца и не хитрящего интригана, но человека с *религиозно и нравственно сильным характером*. Она требует высокой — волевой, моральной, образовательной и профессиональной квалификации. Это дело совсем не общедоступное, не дилетантское, не уличное...

Политика, по самому существу своему, требует от человека повышенной квалификации; совершенно вредно и бессмысленно вовлекать в нее всех. Она требует знаний, воли, организационных способностей, такта, опыта. Так обстоит везде и всегда; и даже в тех государствах, которые строятся по принципу личного и классового интереса, исходя из двух несостоятельных предположений: 1. будто государственный интерес есть сумма или равнодействующая всех личных или классовых интересов и 2. будто каждый человек лучше всего знает и понимает свой интерес вообще и политически-государственный интерес в особенности.

Политика должна быть облагорожена, ее уровень должен быть поднят. Здесь придется выдержать серьезную и острую борьбу и с домогательствами европейских

демократов... и с попытками русского черносотенства влить в новый, недемократический строй свое лично-карьерное тупое, и скомпрометировать этим весь новый поиск государственности. В этой борьбе государственно-мыслящие и спасающие силы России должны победить; иначе Россию не спасти.

В политике нужны люди, доказавшие свою способность организовывать и править, *мысля от целого*. Чтобы находить и воспитывать таких людей, политика должна быть уведена с улицы... Для этого необходимо прежде всего *переместить в народном сознании центр тяжести* с политики на жизнь духа, на строительство жизни, хозяйства, культуры; в качество жизни, труда и продукта...".

"Демократия, - по Ильину, - есть или средство для отбора и обновления качественного слоя политиков; или же, если она этой задачи не разрешает, она есть начало распыления, беспочвенного карьеризма и беспредметного честолюбия, начало распада и гибели...

Строгость качественного отбора и повышение реальной ответственности — вот два оздоравливающих требования для политики...

Задание России и ее нового государственного устройства состоит в том, чтобы найти именно такую форму,.. при обеспеченном и непрерывном отборе качественно лучших к власти". Впрочем, монархист должен был бы сказать – к служению Верховной власти.

Какую же схему формирования нового служилого слоя предлагает И.А. Ильин? Следует иметь в виду, что задача отбора состоит не только в обеспечении функций представительства, но, прежде всего, в создании административного кадрового резерва. При этом, как уже говорилось, необходим механизм, препятствующий возможной кастовой замкнутости служилого слоя.

"Государственная форма – пишет Ильин, - должна помочь... выделить лучших. Обычная, формальная избирательная процедура этому требованию не удовлетворит и проблему не разрешит, — ибо она отыскивает по принципу *личной заинтересованности* людей *выгодных* и *угодных* массе, а не людей *ценных* и *необходимых* государству и народу в целом.

Выдвигать лучших людей в качестве публичной рекомендации правительству могут *все* зарегистрированные корпорации, а не только партии. Партия не может и не должна быть сговором частных лиц на предмет захвата государственной машины и эксплуатации ее в свою пользу. Никакая партия, как таковая, не может и не должна рассчитывать на захват власти по большинству голосов. Народное представительство мыслится нам как творчески-инициативное и совещательное установление. И, наконец, самая система выборов такова, что партийные люди всегда будут рисковать отводом сверху или снизу. И потому мажоритаризация избирательных коллегий или палаты утрачивает свой интерес: оно не ведет к власти и это должно быть отчетливо оговорено в конституции. Вверх должно вести качество лица и его дел, предметность его воли, сила его духа, верность его совести; — и не партиям дано распознавать эти свойства людей.

Ввиду этого активное избирательное право **не может быть всеобщим**. Оно должно быть связано с известным стажем и рангом, критерии коего должны быть, с одной стороны, отрицательными (непорочность уголовная, политическая, по суду чести), с другой стороны, положительными — возрастной стаж (не моложе 30 лет); образовательный минимум; известный срок общественного (неполитического) стажа; наличие известной хозяйственной или общественной премириванности; орденовое отличие; или же простая корпоративная рекомендация, проведенная с повышенным кворумом (предоставление всем зарегистрированным корпорациям права выдвигать лучших людей в государственные избиратели, без права отвода сверху).

В этих пределах активное избирательное право должно быть **равным** (один человек — один голос) по соображениям предметности и социальной справедливости.

Выборы должны быть двустепенными, во-первых, для того, чтобы сосредоточить и усилить предметный отбор в избирательной коллегии первой ступени, которая должна

иметь возможность изыскивать людей с повышенной и реальной квалификацией; во-вторых, для того, чтобы сократить демагогию; в-третьих, для того, чтобы придать особый вес заключительной процедуре, о коей ниже.

Голосование есть не только право, но и обязанность. Можно не принять права голоса, но, имея его, голосовать необходимо, под страхом санкции. Абсентизм (уклонение избирателей от участия в голосовании) не предоставлен произволу избирателей.

Выборы в обеих инстанциях должны быть не тайными, а открытыми, за подписью. Бюллетени протоколируются, переплетаются и подлежат по окончании выборов напечатанию во всеобщее сведение. Голосующий необоснованно, продажно, криво или лукаво должен быть уверен с самого начала, что его поступок будет вынесен на суд общей гласности.

При выборах в избирательных коллегиях пассивное право должно быть связано с повышенным стажем (во всех отношениях).

Заключительная избирательная стадия должна протекать так. В каждом наместничестве наместник назначает полный состав членов государственной палаты, по своему усмотрению, как из лиц, входящих в избирательную коллегию, так и из других; из этих лиц избирательная коллегия избирает от себя *половину*, утверждая и скрепляя назначение избранием. Избирательная же коллегия выбирает помимо того от себя тоже полный состав членов палаты, не непременно из среды самих избирателей. Наместник обязан половину из них утвердить, отводя другую половину и подтверждая акты избрания своим утверждением.

Отсюда возникает соревнование между правительством и избирательной коллегией: обе стороны соревнуются в создании наилучшего оппорочиваемого другой инстанцией списка кандидатов. Это побуждает избирателей и наместника выбирать предметно, людей дела и служения; все уйдет в поиски объективно достойных, объективно убедительных кандидатов. Каждый кандидат проходит две инстанции, каждый получает две санкции. И таким образом разрыв государства на две стороны — власть и народ, — разрыв, углубляемый теорией и практикой народоправства, — залечивается, сращивается, исчезает. Избирание перестает быть чисто арифметической игрой, прикрывающей лукавую, непредметную борьбу людей; тайна голосования отпадает и не укрывает ни интереса, ни обмана, ни продажности. Государственная форма ищет единства и солидарности: она побуждает и власть и народ создавать единое общее дело и жить в атмосфере предметной политики, а не беспредметного политиканства".

Необходимо отметить, что предложенная И.А. Ильным схема отбора применима, судя по всему, лишь для формирования народного совещательного представительства по **территориальному** принципу. По мнению же И.Л. Солоневича необходимо сочетания представительства территориального и корпоративного ("Народная монархия", глава "Народное представительство"). И хотя Ильин предусматривает право корпораций на выдвижение кандидатов, сами выборы таких кандидатов осуществляются независимо от принадлежности избирателей к соответствующим корпорациям. Было бы, конечно, разумнее, чтобы делегирование в представительные органы своих представителей осуществляли сами корпорации.

Минусом ильинской схемы, вероятно, является и допущение к процессу отбора существующих наряду с корпорациями **партий**. Эти организации, с одной стороны, наделяются правом выдвижения и, следовательно, продвижения кандидатов, а с другой стороны **не могут** строиться по принципу объединения членов реально, объективно существующих и общественно значимых социальных слоев, т.е. по корпоративному принципу. При этом, как уже говорилось, согласно Ильину "никакая партия, как таковая, не может и не должна рассчитывать на захват власти по большинству голосов". Парадокс!

Солоневич же **в принципе** против партийного представительства. В "Народной монархии" он пишет: "если в российском народном представительстве *работает* Глава Православной Церкви или председатель союза: инженеров, агрономов, врачей,

металлистов, железнодорожников, горняков, крестьян, казаков, купцов, — то все эти люди будут совершенно точно знать, что им нужно в чем заключаются реальные интересы того слоя или той группы людей, от имени и по полномочиям которых они выступают. Никто из них **не будет претендовать на «всю власть»**, как **по самому своему существу** претендует всякая политическая партия. Всякая политическая партия стремится из меньшинства стать хотя бы относительным большинством, из относительного большинства — абсолютным, и на базе абсолютного большинства превратиться в партийный абсолютизм...

Но никакому «союзу инженеров» не может придти в голову превратить в инженеров всю страну или союзу ветеринаров — захватить «всю власть». Могут быть тенденции ко всякого рода технократическим или капиталистическим загибам и перегибам, но на путях к таким тенденциям будут стоять **монархи**".

Представляется, что мнение И.А. Ильина о роли партий в рассматриваемом отборе построено на неправильно понимаемом принципе территориального представительства, как представительства всероссийского. Территориальное же представительство, т.е. представительство не по признаку профессиональному, вероисповедному, племенному, половозрастному и др., если можно так выразиться не по признаку "внепространственному", всё же есть представительство не всей России в целом. Таковое осуществляется Монархом перед состоявляющими нацию социальными слоями и каждым подданным индивидуально. Территориальное же представительство есть представительство перед Верховной властью монарха населения **отдельных** поземельных частей страны. Такое представительство тоже есть корпоративное. Но поскольку признаком, объединяющим соответствующих "представляемых", является именно проживание или местонахождение (для организаций) на соответствующей территории, к делегированию представителей от соответствующих территорий не применим какой-либо иной принцип, кроме предложенного Ильиным принципа отбора волеизъявлением "недифференцированной", кроме как территориально, совокупности избирателей (с учетом всех цензов). Всё это относится к территориальному представительству на всех ступенях территориального деления, т.е. уездов в губернии, волостей в уездах, районов в городе, муниципальных округов в районах.

Такого способа формирования представительства И.Л. Солоневич, изложивший в своих трудах лишь идею прямого делегирования депутатов корпорациями, не нашел.

Интересно, что высказанная И.А. Ильиным идея двустороннего отвода кандидатов на третьем этапе отбора, очень похожая, но всё же не до конца, на идею отвода присяжных в дореволюционной России, т.е. без обоснования мнения отводящего, применима не только при формировании представительства, но и выборной части административного аппарата. По Солоневичу, что, впрочем, подтверждается и русской историей, самодержавная, т.е. не абсолютная, а нравственно ограниченная монархия требует максимального объективно возможного самоуправления. В отношении "внепространственного" корпоративного самоуправления, в форме, например, саморегулируемых организаций, предложенная Солоневичем схема реализации такого самоуправления достаточна ясна. Но в отношении формирования избираемого, а не назначаемого административно-**территориального** кадра низшего звена, подобного шерифам в США или дореволюционным российским мировым судьям, какого-либо механизма отбора Иван Лукьянович не предложил. Это сделал Иван Александрович Ильин.

В заключение, хочется отметить, что идея формирования служилого слоя, высказанная двумя монархическими мыслителями, намного более отвечает задаче предотвращения бюрократического произвола, чем мысль "осенившая" республиканских авторов сегодняшних российских законов об общественных платах. Общественные палаты, как указано в соответствующих законах, должны обеспечивать взаимодействие граждан с органами власти, а также осуществлять общественный контроль за

деятельностью таких органов. В условиях монархии контроль снизу, дополняя надзор со стороны Верховной власти, является одной из гарантий от притязаний государственного аппарата на Верховную власть. В наших же современных условиях контроль снизу должен осуществляться теми, кто назначен сверху. Так федеральная общественная палата по закону формируется следующим образом: одну треть отбирает президент, вторую треть отбирает первая треть, а третью треть – первая и вторая трети совместно. В общем, получается профанация по принципу "в доме, который построил Джек". Никакого действенного волеизъявления снизу. Все "контролеры" прямо или опосредованно назначаются "подконтрольными". Такой вот пример "управляемой демократии". И невдомёк её сторонникам, что без действительной обратной связи нет никакого адекватного управления, а только чиновный произвол, вседозволенность и безнаказанность, т.е. всеобщая гибель в самом ближайшем будущем.